

Брат без сестры, или Geistliche Dämmerung

Действующие лица:

Женя Половнин, поэт-мистик
Петя, отчисленный с философского факультета, погоняло Хайдеггер
Герман, блогер
Призрак сестры Германа
Атомарные индивиды

Полутёмная комната. На стене изысканно вырисовывается силуэт ковра. К нему грациозно приближается моль. За столом, на котором стоит одна-единственная бутылка вина, – Женя и Петя.

ЖЕНЯ (*мрачно*). Двадцать три часа десять минут.

ПЕТЯ (*злобно*). А кто в аське пиздел: завтра на работу, ёпта, на поеботу? «Не будем больше одной брать», нахуй? Или рассчитывал, что я притащу тебе ящик из чувства протеста?

ЖЕНЯ. Узнаю тролля. Типичная пегня, лишь бы свалить с больной головы на мою. Я не рассчитывал. Думал, если чо, на дом алковозку вызвать, но раз ты скидываться не хочешь...

ПЕТЯ. Я философ, а не тролль. (*Допивает вино.*) А ты обещал новые стихи почитать, заебал уже про бухло.

ЖЕНЯ (*декламирует стихи Шиша Брянского.*)

День и ночь Айвассу я молюся,
Чтоб из моря выполз Скорпион,
Чтобы сдохла рыжая Маруся,
Чтобы затопило Альбион.

Я молюсь, чтобы небесный купол
Ёбнулся, сорвавшись с гвоздей,
Чтобы он свалился вам на кумпол
И зашиб вас, ёбанных блядей.

Погодите вы, уж погодите,
Осоньки залезут вам в мозги,
И тогда уж вы не попиздите,
Вы просто
Не увидите
Ни зги!

ПЕТЯ. Нихуя не твоё. Узнать не могу, но – нихуя.

ЖЕНЯ. Как не стыдно не знать? Это не поэт, а подземелье посланного рода! Уходящее к началу языка, удару спасения.

ПЕТЯ (*неуверенно*). Георг Тракль?

ЖЕНЯ. Мы оба пили с ним в одном ОГИ... в разное время...

(Пауза.)

Когда ОГИ ещё не закрыли. *(Доливает в чашку остатки вина.)*

ПЕТЯ. Нет... Когда культуртрегера с бородой путали с культуртрегером без бороды, и это не ощущалось как конец истории литературы.

Гаснет последняя лампочка в люстре. Моль будто сливается с ковром, наступает тишина.

ЖЕНЯ. Ничего ты не понял, но это неважно. Больше не купить годную траву в гостинице «Севастопольская», не пройти по улице, где я раньше ходил, с бутылкой водки. Можно только с собакой.

ПЕТЯ. Допустим. Но по гамбургскому счёту запреты эти – ебань. Для алхимика их просто нет. Вода из-под крана – та же синька, но без алкогольного компонента.

ЖЕНЯ. Что ты, сука, только не придумаешь, чтобы не скидываться на алковоз.

ПЕТЯ. Я работаю в этом направлении.

ЖЕНЯ *(саркастически)*. Он работает!

ПЕТЯ. Когда изобрету Необходимое, смогу и дальше не работать. И не восстанавливаться в аспирантуре.

ЖЕНЯ. Лады. Если, по-твоему, неудобства и государства иллюзорны, ты можешь вызвать сюда Германа с кораблём, не придавая значения тому, что у него весь день телефон отключен?

ПЕТЯ. Даже бездна способна воззвать к бездне, хотя они – точно две не пересекающиеся прямые. Так почему я не могу позвать Германа?

ЖЕНЯ *(набирает номер Германа, слышит пустоту, откладывает трубу)*. Хуй там. В аське тоже нету.

ПЕТЯ *(меняется в лице. Глядит на ковёр так пристально, будто различил в каждом его узоре моль. Потом распахивает окно и орёт вариацию песни Альбины Сексовой.)*

В нашем доме привокзальном

Завелися блогера.

Из квартир не вылезают –

Не поймашь ни хера.

Блогеры, блогеры, блогера

Пишут с ночи до утра.

Блогеры, блогеры, блогера,

И у них откуда-то денег до хера!

Когда он замолкает, с улицы слышится дюжина возмущённых голосов.

ПЕТЯ *(довольный)*. Ух, бляди, как вас зацепило!

В дверь стучат. Петя и Женя переглядываются.

ПЕТЯ *(громко)*. Advenit putana tuam. Пусть блядь войдёт.

В комнату медленно входит Герман, бородатый мужик, закутанный в мокрый плащ. В руке у него зонт, с которого льётся вода.

ГЕРМАН. Вы охуели дверь не запирать? А если вор? А если их целое стадо? Вина больше нет?

Раскрывает зонт и ставит в прихожей. Садится на пустой стул. Петя наливает воду из чайника в стакан и протягивает гостю.

ГЕРМАН. Когда я шёл сюда, я видел, как красного волка душил ангел...

ЖЕНЯ (*понимающе*). Упоролся и отключил телефон?

Позади сидящих, так, что видно зрителям, проходит девушка в белом пальто. Её волосы, выкрашенные в кислотно-розовый цвет, мокры от дождя. Женя и Хайдеггер оборачиваются в её сторону.

ЖЕНЯ. Вы тоже видите эту хрень?

(*Пауза.*)

ГЕРМАН. Это моль. (*Пьёт.*) Кубанское столовое? А почему такая странная бутылка?

ПЕТЯ (*отодвигает чайник*). Обычная.

ЖЕНЯ. Это не моль.

ГЕРМАН. Это ты упоролся и проецируешь. Кстати, колёс больше нет?

ЖЕНЯ. Это твоя сестра. Я как нажрусь чего-нибудь, вижу её рядом с тобой,

И даже в синем трепете созвездий
мерцает хохот напряженных лезвий (1).

Девушка садится на диван напротив него, достаёт из рукава коробку папирос. Её лицо неподвижно, как «мёртвые сироты у садовой стены».

ЖЕНЯ. Бля, моя пачка!! (*Вскакивает с места, девушка растворяется в ковре.*)

ГЕРМАН. Какая пачка?

ЖЕНЯ. Я у тебя ночевал, когда с Нинкой поссорился, а старики были дома, а наутро не нашёл коробку из-под «Беломора» старую. На ней свастика ещё нарисована, красной ручкой, прямо отсюда видно!

ПЕТЯ. Диалог поэта с поэтом. Но порой необходим и диалог поэта с мыслителем.

ЖЕНЯ. Какой он поэт? Меня публиковали в журнале «Последний Апокриф» и на сайте «Интерконтринициация». А это что?

ГЕРМАН. С ебанутыми не спорю.

ПЕТЯ. Поэт и блогер близки, они оба вдали от долины людей. В сущности, они представляют разные стороны социофобии. Поэтому сговор меж ними возможен. И он в том, чтобы вынести философу мозг.

ГЕРМАН. Скажите ему, что нет у меня никакой сестры, а то я уже забался.

ПЕТЯ. У каждого мужчины есть сестра, видимая или невидимая.. И в ней обретает себя Dasein. Сестра – самое опасное, чем обладает человек.

ГЕРМАН. Пётр, когда-то вы были Хайдеггером. Но кто вы теперь?

ПЕТЯ. Не знаю. Красный волк. Телефон.

ГЕРМАН. У меня нет сестры. Вина тоже нет. Откуда вы всё это взяли?

Женя идёт к дивану, в поисках травы поднимает покрывало, вытаскивает подушки из наволочек. Вокруг него летает моль.

ПЕТЯ. Из вашей головы. Забыли уже, что писали?

(Достаёт айфон, находит нужную страницу, читает.)

«Я могу рассказать о себе, но кому это надо. Десятый класс, феназепам и ужас. Однажды я намешал всякой ерунды с водкой. Отец превратился в бородатого старца, а мать окаменела. Тогда образ девушки с розовыми волосами вышел из отколовшегося куска плитки, и вместе мы упали на заброшенный погост, как мёртвые».

Призрак сестры возникает в дверях, чиркает зажигалкой.

ПРИЗРАК. Так может говорить только упоротый.

ПЕТЯ *(разливая по стаканам воду из чайника)*. Фройляйн! Никогда и нигде до эпохи рационального интеллекта упоротость не считалась признаком атомарного индивида. И потом, серафическая медлительность не мешает...

Женя залезает под диван.

ГЕРМАН. Не правда ли, герр Хайдеггер, вас упрекали в недоверии к рациональному мышлению и даже в страхе перед ним?

ПЕТЯ. Рациональный разум уничтожил свободную продажу алкоголя и стремится уничтожить всё остальное.

ЖЕНЯ *(вылезая из-под дивана)*. Бля!

ПРИЗРАК *(медленно)*. Я сейчас тебя разжую и выплюну.

Исчезает.

ПЕТЯ. Герман, о ваших, эээ, специальных отношениях с сестрой можно было написать целый блог и заработать на нём.

ГЕРМАН. И вылететь с работы? У меня начальник сам со справкой и психов не переносит вдвойне.

ЖЕНЯ *(отчаявшись найти траву, декламирует)*.

Я вечно жду их на святом Хермоне... (2)

ГЕРМАН. Ну, хоть кто-то понимает, что его место на Хермоне.

ЖЕНЯ. Знаешь что? Вали к себе на район!

ПЕТЯ. Сестра всегда в нашей духовной ночи. Это нормально.

ЖЕНЯ. Да-да, я как-то видел глюки... показалось, что чужая сестра – это типа моя, а она потом обиделась, что я с ней не переспал.

ПЕТЯ. Это идея белого сульфур, идея сестры. В любопытной книге Валентина Андреа «Химическая свадьба Иоганна Розенкройца» лев возле фонтана держит меч. К нему приближается белый единорог, и тогда лев ломает меч в лапах и бросает его в фонтан.

В дверях снова призрак девушки. На её открытой ладони – спичечный коробок с травой. Сестра чиркает по нему зажигалкой и наблюдает, как горит картон.

ЖЕНЯ. Да ёб твою мать...

ПЕТЯ. А ничего ты с этим не сделаешь.

ГЕРМАН. Я в такой ситуации вообще не знал, как мне жить. Я был уверен, что всё закончится психушкой.

ПЕТЯ (*успокаивающе*). Не психушкой. А проклятием рода. Подумайте, есть ли в мире хоть одна женщина, которая не была бы вашей сестрой, или любовь, которая не являлась бы инцестом?

ГЕРМАН. И что вы предлагаете, если все люди сёстры, – зоофилию?

ПЕТЯ. Я бы в такой ситуации вообще не знал, как мне жить.

ЖЕНЯ. Действительно. Когда баба сначала вылезает из кафельной плитки, а потом становится домашним наркоборцем, остаётся только прыжок в бездну.

ПЕТЯ. Наркоборьба сама по себе может быть ей безразлична. Так, проходит по касательной.

ГЕРМАН (*поднимается из-за стола, прислушиваясь к чему-то*). У кого телефон звонит?

ЖЕНЯ. У тебя.

ГЕРМАН. Мой выключен.

ЖЕНЯ. Нахуй уже иди со своим выключенным телефоном!

Воспользовавшись их замешательством, призрак сестры сдирает со стены ковёр. Свет настольной лампы окрашивается красным, и через пару секунд комната погружается в темноту. Слышны вопли, звуки ударов. С лестничной клетки доносятся голоса:

- Чо, и тут света нет?

- А, одиннадцатая квартира... вон там...

- (*старческий голос*) Да, уже давно! Дебош. Нецензурная брань.

В комнате воцаряется тишина. Чиркает спичка. Лампа вспыхивает. На пороге – участковый.

Герман поднимается с пола, подбирает обломки стула и видит, что призрак сестры машет ему из проёма, образовавшегося на месте ковра. Звучит музыка.

Полиция проверяют у Жени и Пети документы. Герман направляется во тьму, где его ждёт девушка в белом пальто.

ПРИЗРАК (*оставшимся в комнате; со смехом*). Не надо думать о грустном, давайте лучше поговорим о конце мира!

Когда брат оказывается совсем близко, сестра даёт ему косяк. В её руке – точно такой же. Герман и сестра словно иллюстрируют алхимическую гравюру из ROSARIUM PHILOSOPHORUM.

2014.

(1) Е. Головин

(2) Н. Сперанская